

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-08, version 1.0
UUID: f5ae39de-351e-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В каменном колодце
(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009
III.....	.0014
IV.....	.0019
V.....	.0024

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
В каменном колодце**

— Васька едет на дачу!.. — пронеслось по двору, где играли дети разных возрастов. — Васька едет!..

Это кричал взъерошенный мальчик лет восьми, выскочивший на двор, несмотря на холодный апрельский день, в одной рубашке, босиком и без шапки.

— А вот и врешь, Колька, — отозвалась девочка лет семи, тоже босиком, с запачканным личиком. — Мамка сказывала, что тетка Матрена едет с господами в деревню, а не на дачу.

— Это все одно, — сказал Колька.

— А вот и не все одно...

— Говорят: все одно.

– Н-ет...

Чтобы доказать упрямой девчонке, что дача и деревня одно и то же, Колька подскочил к ней и довольно больно толкнул в спину, так что девочка едва удержалась на ногах и заплакала.

– Анютка, а ты его сама ударь, – советовал кто-то из толпы, окружавшей споривших.

Но Анютка не желала драться, а только терла глаза грязным кулачком. Для городских детей, выросших на дворе и не бывавших дальше ближайшей мелочной лавочки, дача и деревня представляли пустые слова, разница которых заключалась только в звуках. Может быть, тетка Матрена, мать Васьки, действительно соврала... Кухарки ездят с господами только на дачи. Горячий спор этой дворовой детворы был прерван появлением самого героя, Васьки, курносого, белокурого мальчика, всего меньше походившего на героя. Он был одет, как и другие дети, то есть в одну грязную ситцевую рубашонку.

– Ну, Васька, говори всю правду, а то побьем, – предупредил кто-то на всякий случай. – В деревню едешь или на дачу?

– В деревню... – довольно равнодушно ответил Васька, вытирая нос рукавом своей рубашонки. – Мамка говорит...

Вся эта сцена происходила во дворе громадного пятиэтажного дома. Двор походил на глубокий каменный колодец, и солнце заглядывало в него только летом. Целый день на этом дворе толкалась детвора, ухитряясь из ничего придумать себе игры и детские забавы. Детей набиралось человек двадцать. Все это были обитатели подвалов и чердаков или дети господской прислуги. Последних, впрочем, было очень немного, потому что господа не любили держать прислуг с детьми. Сын кухарки, Васька, представлял в своем роде исключение. Забияка Колька, первый драчун, был сын прачки; побитая им Анютка – дочь сапожника, жившего в подвале. Тут же проводили свое время дети двух швейцаров и шести подручных дворников.

Все пять этажей были заняты господскими квартирами. Из больших окон этих квартир постоянно смотрели на двор бледные личики барских детей. Все эти Зизи, Мими, Коко, Сержики и Жоржики с завистью наблюдали, как

веселится на дворе босоногая детвора. В самом деле, что могло быть лучше, как выбежать босому, в одной рубашонке на двор и вмешаться в эту пеструю ребячью толпу...

– Что вы там сидите, как мухи? – вызывающе кричал им озорник Колька и показывал язык. – Идите к нам... Вот как отлично вздуем!

Бледные личики конфузливо прятались, а Колька грозил им кулаком.

Если была хорошая погода, что в Петербурге случается не часто, то послушных и прилежных детей из господских детей выводили на прогулку. Озорник Колька пользовался этим случаем, чтобы устроить «неженкам» какую-нибудь каверзу. Он поджидал их за воротами, а потом бежал навстречу и, как будто нечаянно, толкал локтем или коленкой.

– Ах, извините, барчук, – оправдывался он. – Я сегодня на один бок наелся и не могу ходить прямо...

Но за эти проделки Кольке иногда приходилось жестоко расплачиваться. Седой швейцар Иван Митрич, всегда стоявший у главного подъезда, иногда ловил Кольку на месте

преступления, хватал за ухо и с позором уводил на двор.

– Ах ты, озорник этакий!.. Вот я тебе покажу, как господских детей обижать!

Колька не плакал, не кричал и никому не жаловался, а только старался в следующий раз не попадаться на глаза Ивану Митричу. В сущности, он не был злым мальчиком, а просто его одолевала детская шаловливость от избытка сил.

Васькины господа уехали в деревню в половине апреля, когда в Петербурге наступала холодная и сырая весна. Перед самым отъездом Васьки Колька побил его без всякой причины.

– Ты зачем дерешься? – удивился даже Васька, привыкший к побоям с раннего детства.

– А вот зачем... Приедешь в деревню и скажи деревенским мальчишкам, как тебя вздул городской Колька, и что он их всех тоже вздует. У нас, брат, по-питерски...

Кольке было завидно, что Васька куда-то уезжает, и он возненавидел его. Конечно, господа не поедут в худое место, и Васька все лето будет жить по-господски. Свой двор теперь казался Кольке и темнее, и грязнее, чем раньше. Ему делалось душно в этом каменном колодце.

– А Васька приедет из деревни, я его вздую на все корки, – утешал себя Колька. – Барин какой выискался, – туда же, в деревню...

Громадный каменный дом быстро пустел.

Все господа торопились переезжать на свои дачи. В окнах уже не показывались бледные личики господских детей, – все Жоржики, Зизи и Мими уехали дышать свежим загородным воздухом. Колька злился. О, как бы он приколотил всех этих барчат, если бы они попались ему в руки... Колька делался несправедливым, потому что завидовал, потому что ему делалось душно на дне каменного колодца, потому что, как ему начинало казаться, именно назло ему другие дети пользовались всеми благами жизни.

Дно каменного колодца-двора являлось настоящей ареной для неистощимой детской изобретательности. Кажется, что можно устроить на пространстве нескольких десятков квадратных сажен? А дети устраивались. Зимой главным материалом для всяческих игр служил снег, из которого устраивали горки для катанья, лепили снежных баб и т. п. Ранней весной, когда таял снег, проводились ручейки, а у отверстия водосточной канавы Колька ухитрялся поставить маленькую деревянную мельницу. Летом все игры сосредоточивались около поленницы дров и кучи пес-

ку, служившего для посыпки тротуаров. Трогательно было смотреть, как крошечные девочки устраивали из этого песка грядки и сажали в них выдернутые из дворницкой метлы прутья. Каждый кирпич, каждый камень тоже служили материалом для постройки. Но – увы! – все произведения созидательного детского гения каждое утро уничтожались метлой дворника. Но детское терпение было неистощимо, и вместо уничтоженных крепостей, городов, домов и садов в течение одного летнего, дня воздвигалось все снова.

– Ах, и народец только! – ворчали дворники, выметая всю детскую работу. – И откуда только натащат всякого хлама? Настоящие разбойники... А того не подумают, идолы: вдруг на двор околodочный... «Это что-о у вас... а?!» Тут, брат, всем на орехи достанется из-за вашего брата, босоногая команда!

Случалось нередко и так, что дворники не ограничивались одними словами и наказывали виноватых своими средствами, то есть драли за вихры, рвали за уши, давали подзатыльники. Делалось это, конечно, не со злости, а «для порядку», чтобы дворовые ребята

почувствовали, что есть такое петербургский дворник. Швейцар Иван Митрич вполне одобрял такое поведение и объяснял по-своему так:

– Что же, ежели, например, эти самые ребята вырастут бесстрашными галманами? Каждый человек должен непременно кого-нибудь бояться. Я, напримерно, должен бояться домового управляющего, домовый управляющий – домовладельца, дворники – околodочного, а ребята, ежели на дворе, – дворников. Вот и вся музыка. Очень даже просто...

Что такое значило «бесстрашный галман», все-таки оставалось неизвестным.

Дети постарше выбегали на улицу и заводили здесь свои шалости, постоянно рискуя попасть под лошадь и получая от прохожих тумаки и ругань. Самые смелые добежали до угла улицы, где был устроен крошечный сквер. Улица, обставленная громадными домами, походила на какое-то ущелье, и чахлые деревья в сквере напрасно тянулись кверху за светом и теплом. Они ходили на городскую уличную детвору. Такие же испытые, тощие,

с какими-то зелеными лохмотьями вместо листвы, и такие же грязные от уличной пыли.

Этот сквер являлся для бедной уличной детворы заветным уголком, но лиха беда заключалась в том, что в сквер пускали только хорошо одетых детей, являвшихся сюда в сопровождении своих нянек и горничных. Они так весело играли на круглой площадке сквера, а бедных оборвышей не подпускали даже к железной решетке сквера. Колька делал несколько отчаянных попыток прорваться в этот заветный уголок, но был изгоняем отсюда стоявшим на посту городовым.

– Куда лезешь, чумазый?.. Разве не видишь, что тут господские дети играют?

Колька в таких случаях вспоминал Ваську, который дышал свежим деревенским воздухом, и клялся про себя, что вздует его.

Наступило лето, жаркое, душное, томительное. От накалившихся каменных домов и мостовой так и пыхало удушливым зноем. Главное несчастье составляла уличная пыль, висевшая в воздухе. Благодаря ей по вечерам закатывавшееся солнце казалось багровым, раскаленным докрасна шаром. Даже дождь мало освежал воздух, производя томящую испарину. Все дети приуныли, как растения, которые забыли вовремя полить. Они вяло бродили по двору, а днем, в самую жаркую пору, играли где-нибудь по черным лестницам, где всегда было прохладно и сыро. Все были такие бледные, изнуренные, жалкие.

– Эй, Колька, будет тебе баклуши бить! – кричал из подвального окна сапожник. – Пора, брат, и за работу приниматься...

Кольке эти любезные приглашения совсем не нравились, и он показывал сапожнику язык.

– погоди, пострел, вот я уже доберусь до тебя! – грозил сапожник.

Он уже несколько раз говорил с матерью

Кольки, чтобы она отдала сына к нему в ученье.

– Человеком будет, – убеждал он. – Лучше нашего ремесла нет. И всегда работа, потому что сапоги, брат, первое дело.

Мать Кольки, вдова прачка, сама думала, что давно пора отдать сына куда-нибудь в ученье, но боялась таких учителей, как сапожник. Она достаточно насмотрелась на такую науку, когда учеников морили голодом и били чем ни попало. Жалела она крепко своего Кольку, хотя и был он сорванец. С другой стороны, мальчишка рос без всякого дела и мог избаловаться.

– Вот как избалуется, – уверял ее сапожник, – потом и управы с ним не будет... Говорю: человеком будет.

Долго крепилась бедная женщина, а потом решила отдать Кольку в науку.

Это случилось как раз в середине самого лета, когда Колька попал в мастерскую сапожника. Он был огорчен и ничего не говорил.

– Первое дело, ты не будешь объедать родную мать, – объяснил ему сапожник. – А второе, будешь одет. У меня, брат, такое положение

ние... У матери-то вон руки болят от работы, пора и тебе ей помогать.

Теперь Колька мог наблюдать за играющими на дворе детьми только из подвального окошка мастерской. Его костюм по-прежнему состоял из одной рубахи, а питаться приходилось картошкой со шкварками. Сапог ученикам не полагалось, потому что, по убеждению сапожника, от сапог бывают только мозоли. Работа у сапожника для Кольки была, собственно, нетрудная. Он сучил верву,[1] мочил кожу, бегал в лавочку и вообще был на побегушках; но скверно было то, что за малейшую провинность сапожник нещадно бил своих учеников шпандырем, то есть толстым ремнем.

– Человеком, негодяй, будешь! – говорил сапожник, производя свою расправу.

Колька как-то сразу притих, оступел и решил про себя, что непременно убежит от такой науки. Сначала у него было желание сделаться человеком, но потом постепенно уменьшалось.

«Убегу», – думал Колька.

Куда бежать – Колька не знал, потому что дальше своей улицы нигде не бывал, но это желание в нем росло и крепло с каждым днем. Сапожник, в свою очередь, отлично знал, как бегают новички ученики, и зорко следил за Колькой.

– Ты у меня смотри, – предупреждал его сапожник. – Я тебя пою, кормлю, я с тебя и шкуру сниму, ежели, например, что-нибудь неподобное. Меня-то вот как били, когда в науке был... Хе-хе! Места живого не осталось...

Все эти речи являлись плохим утешением, и Колька решил непременно бежать. Все равно хуже не будет. В течение каких-нибудь двух месяцев он сильно похудел, ходил весь запачканный ваксой, волосы на голове стояли какими-то клочьями, как на крашеном меху. Но для того чтобы бежать, нужно было иметь запас хлеба, то есть корочек, которые он сберегал от еды. Колька теперь постоянно голодал и отлично понимал, что без хлеба далеко не уйдешь. Потом, и в одной рубахе бежать было тоже неспособно. Но мать как-то сколотилась и подарила Кольке рваный пиджачок, купленный по случаю у татарина.

Именно только этого и недоставало Кольке. О сапогах он и не мечтал, но зато мог выбрать по своему вкусу любые опорки.

Но как раз, дело было уже осенью, когда Колька решился привести в исполнение свой заветный план, кухарка Матрена привела в ученье к сапожнику своего сына Ваську.

– Возьми ты его Христа ради, – умоляла она. – В деревне совсем избаловался. Способа с ним нет.

IV

В первую минуту Колька даже не узнал своего старого приятеля Ваську, так сильно последний изменился за лето.

– Да ты весь распух, Васька, – удивлялся Колька и даже пощупал приятеля. – Ишь как отъелся, точно... точно наш старший дворник. Щеки-то, щеки-то так и трясутся!

Васька действительно вернулся из деревни настоящим здоровяком, даже с румянцем на щеках, чего петербургской дворовой детворе уж совсем не полагалось. Ваське даже самому сделалось совестно за свое чисто деревенское здоровье, и он как-то особенно глупо улыбался.

– Ничего, которое комариное салоросло в деревне, так мы его живой рукой выпустим, – успокаивал сапожник. – У нас некогда брюшину здесь распускать.

Колька долго не мог успокоиться. Совсем другой Васька, а не тот, которого он еще недавно колотил при всяком удобном случае. Теперь, пожалуй, Васька и сам сдачи даст. Последнее предположение не замедлило оправ-

даться, когда Колька хотел еще раз убедиться в толщине Васькина живота, – он быстро полетел на пол и получил несколько здоровых тумаков. Сапожник хохотал до слез.

– Ну-ка, Вася, еще залепи озорнику Кольке... Ха-ха! А ты, Колька, не приставай вперед. Ишь как он разбух от деревенского вольного воздуха! погоди, когда воздух-то весь выйдет из него, ну, тогда и озорничай...

Сапожник был, как говорил о нем швейцар Иван Митрич, какой-то «несообразный» человек. То он был с учениками за панибрата, то начинал ни с того ни с сего придирааться и проявлять свою хозяйскую власть. Последнее случилось, когда у него «таяло» в горле после вчерашней выпивки и ему начинало казаться, что его решительно никто не уважает, а больше всего не уважают собственные ученики.

– Я вам всем покажу, каков есть человек Поликарп Гаврилович Чумаев! – кричал он, размахивая руками. – Мне и старший дворник наплевать... Самому околodочному недавно подметки выправил в лучшем виде. Да...

– О-х, не пугай! – шутил Иван Митрич. – Вот только над землей-то тебя немного видно, а значит, все остальное под землей...

Подгулявший сапожник успокаивался только тогда, когда брал себе на колени свою дочь Анютку, для которой у него ничего не было заветного. «Одна дочь, как бельмо в глазу...» – говорил Чумаев.

Возвращение Васьки из деревни произвело среди дворовой детворы большое волнение. Стояла уже осень, дождь неудержимо лил целыми днями, и дети свои игры перенесли на черные лестницы. Поступившего в ученики к сапожнику можно было видеть только мельком, когда он босой и без шапки летел через двор куда-нибудь в мелочную лавочку.

– Эй, Васька, стой! – кричали ему вдогонку. – Васька, расскажи про деревню...

– Некогда! – на ходу отвечал Васька, исчезая в воротах.

Свободный день у Васьки был только воскресенье, и то, если не было срочной работы. Вот в одно из таких воскресений Васька наконец показался на дворе. Он был в белом са-

пожническом фартуке и в опорках. Дети окружили его со всех сторон и всячески тормошили. Васька немного важничал и не вдруг принялся рассказывать.

– Что деревня, – просто избы стоят...

– А что такое изба?

– А это... ну, вот в том роде, как наш дровяной сарай, только с печкой. Ну, и огород при этом.

– А огород что такое?

– Ну, значит: гряды копаны, а на грядах всякая овоща насажена: капуста, репа, горох, морковь. Мужик не побежит в мелочную лавочку, потому как все у него свое. У него и хлеб свой... да.

Понятие об избе и огороде кое-как укладывалось в головах слушателей Васьки, но что такое «свой хлеб», – они никак не могли понять.

– Это, значит, у каждого мужика своя мелочная лавочка? – догадывался Колька. – Сколько захотел, столько и отрезал ситного или ржаного?

– Ну, вот и нет, – объяснял Васька уже с видом специалиста. – Муку видал?

– Слава богу, достаточно насмотрелся... Постоянно клестер варим из муки для подметок.

– Ну, мука делается из зерна...

– Из зерна кашу варят, ты не ври, пожалуйста... ста...

– Зерно зерну рознь, Колька... Там греча – одно, ячмень – другое. Ну, из них кашу и варят. А хлеб это совсем наоборот: первое дело – рожь, потом – пшеница... Из ржи мелют на мельнице ржаную муку, а из пшеницы – пшеничную. Вот тебе и свой хлеб выйдет...

Ваське пришлось раз пять объяснять одно и то же, по городские дети, не видевшие ни пашни, ни колоса, ничего не могли понять.

– Вы просто дураки! – в отчаянии решил Васька.

Каждое воскресенье и каждый праздник Ваську заставляли рассказывать о деревне, и с каждым разом недоверие к нему росло все сильнее. Городские дети, не бывавшие никогда за городом, никак не могли себе представить, что такое лес, пашни и т. д. Васька выбивался из сил, стараясь объяснить все, что видел, но из этого ничего не выходило.

– Дерево-то во какое, повыше нашего дома будет... А в лесу даже днем темно.

– Кто же его сажил, лес-то? – коварно спрашивал Колька.

– Никто не сажил, а сам вырос.

– Ну, это уж ты врешь!.. Я своими глазами видел, как сажали деревья в сквере. Ямку выкопают, а потом дворники привезут дерево и посадят в ямку, засыплют землей, польют водой, колышек воткнут и к колышку веревкой привяжут.

Дети не знали разницы между березой и сосной, не говоря уже о других лесных породах, и смеялись над Васькой, Какое же это дерево, которое и зимой стоит зеленое.

– Врешь ты все, Васька...

– Ей-богу, не вру! Ну, вот сейчас провалиться... Своими глазами все видел. Сосна во какая высокая, елка во какая высокая... А дворников в деревне никаких нет. Всякий в своем доме дворник.

Последнее было уже совсем невероятно. Ну какой же дом без дворника? Ваську поднимали на смех и изводили всячески. Особенно принимали его просьбами не врать, а говорить правду. Васька божился, колотил себя в грудь кулаками, но не мог рассказать другого, кроме того, что видел собственными глазами.

– Да ей-богу же! Ах, господи...

– Васенька, миленький, не ври...

– Я?.. Да вот сейчас провалиться на самом этом месте...

Относительно леса ребята еще соглашались с Васькой, хотя и не совсем. Ну, что же, ежели высокое дерево выросло без дворников, это детская фантазия еще допускала. Мерой для этого понимания служили чахлые деревца в сквере... Но вот «свой хлеб» – это было уже выше детского понимания.

– А солому видали? – спрашивал Васька.

– Очень просто: желтая, колючая. Ей матрацы набивают.

– Ну, а на каждой соломинке колос, а в колосе зерна, а из зерен муку смелют...

– Васька, не ври!.. Это сколько же надо твоих колосьев, чтобы один фунт ситного вышло?

– А столько, сколько надо!

– Целого воза соломы не хватит... Что-нибудь да не так.

– Ничего вы не понимаете!..

– А ты еще приври...

Кончилось дело тем, что Васька обиделся и перестал рассказывать о деревне. Но это повело только к новым обидам и насмешкам.

– Ну, Васька, соври еще что-нибудь про деревню!

– Васька – лгун!..

Особенно озлобился на него Колька и последовал на каждом шагу, а в заключение пребольно поколотил.

– А вот тебе, вот тебе! – выкрикивал Колька. – А, Васька, не ври... Не обманывай публику...

– Колька, валяй его! – поощряли другие.

Время шло. Васька превратился в настоящего сапожника. Колька служил у него подмастерьем. Сидя за своей бесконечной работой, Васька часто думал о своей единственной поездке в деревню, и ему самому начинало казаться, что это был какой-то сон.

Примечания

1

Сучил верву – скручивал, свивал нитку.

[^^^]